

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

**РАЗВОД**  
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ.  
**БЫВШИЙ,**  
ВЫКЛЮЧИТЕ КАМЕРЫ

Виолетта Весна

**Развод в прямом эфире.  
Бывший, выключите камеры**

«Автор»

2026

**Весна В.**

Развод в прямом эфире. Бывший, выключите камеры / В. Весна —  
«Автор», 2026

Семнадцать секунд в прямом эфире — и вся страна узнает, что восемь месяцев назад я развелась с Даниилом Корневым. Руководство хочет превратить нас в шоу о бывших, зрители ждут примирения, а мне предстоит снова работать рядом с человеком, чью карьеру на канале разрушила моя подпись. Даниил приносит документы о сети ремонтных компаний, оставляющей клиентов без денег и с недостроенными квартирами. Если расследование выйдет, канал рискует потерять крупного рекламодателя. Если мы уступим, правда не дойдет до эфира, а наша программа может закрыться. Чтобы защитить источник и довести материал до конца, нам придется сделать то, чего мы не смогли в браке: признать собственные ошибки и перестать принимать решения друг за друга. Но что, если доверие еще можно вернуть, а чувства пережили даже развод?

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ГЛАВА 1. Семнадцать секунд        | 5  |
| ГЛАВА 2. Условия без сценария     | 11 |
| ГЛАВА 3. Человек с архивом        | 16 |
| ГЛАВА 4. Квартира без ремонта     | 22 |
| ГЛАВА 5. Контрольный сигнал       | 27 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

# **Виолетта Весна**

## **Развод в прямом эфире.**

### **БЫВШИЙ, ВЫКЛЮЧИТЕ КАМЕРЫ**

#### **ГЛАВА 1. Семнадцать секунд**

До эфира оставалось двадцать пять минут, когда Лариса сказала:

— Корнев приехал.

Она произнесла это в коридоре между гримерной и студией, сверяясь с планшетом, как сообщала бы о доставке нового монитора. Такая деловитость была ее способом оставить мне выбор: спросить, зачем он приехал, или сделать вид, что фамилия ничего не изменила.

— Один?

— С материалами. Сам источник будет в другой день.

Значит, Даниил уже прошел через пропускной пункт, поднялся на четвертый этаж и, вероятно, успел объяснить охране, почему его старый постоянный пропуск больше не действует. Пять месяцев мы не встречались. Восемь месяцев назад получили свидетельство о разводе. Эти два срока я знала без календаря.

Григор Вике ждала меня у открытой двери и держала в руке пуховку.

— Полин, если хочешь выйти в эфир с половиной лица, я не возражаю. Это даже концептуально. Но бухгалтерия спросит, зачем покупала вторую половину тонального крема.

Я вернулась в кресло. Сегодняшний выпуск касался управляющей компании, которая три года собирала с жильцов деньги на ремонт кровли. У нас были договор, протокол общего собрания, ответ жилищной инспекции и две семьи с пятого этажа, пережившие июльский ливень с тазами на полу. Все проверено, согласовано и разложено по минутам. Именно поэтому я могла позволить себе думать о Данииле ровно до того момента, когда в наушнике прозвучит команда режиссера.

— Он надолго? — спросила Вика, поправляя мне ворот темно-синего пиджака. Петличный микрофон не должен был касаться ткани.

— Кто?

— Конечно, кровельщик из второго блока.

— Вика.

— Молчу.

Она не молчала из любопытства. В редакции знали, что мы развелись, но это знание оставалось рабочим: его учитывали при договорах, командировках и рассадке на совещаниях. Ни один человек из команды не вынес его наружу. Я ценила это сильнее соболезнований, которых никто не просил.

В 18:41 я вошла в студию. Гости уже сидели в креслах у круглого стола. Декорация была знакома до сантиметра: серо-зеленая стена с названием программы, два вертикальных экрана, светлая полоса пола для прохода камеры. У первого монитора Никита еще раз сравнивал суммы в титрах с таблицей. Тимофей Озеров стоял у пульта раннего интернет-потока и спорил с инженером о заставке.

Даниил разговаривал с Ларисой возле второй декорации.

За пять месяцев он не стал другим человеком, хотя я успела привыкнуть к мысли, что должен был. Та же темная рубашка с закатанными рукавами, та же привычка слушать собеседника, немного наклонив голову. Седины у висков стало больше. На носу появились очки в тонкой оправе; раньше он надевал их только за монтажным монитором.

Он увидел меня и закончил фразу, не сбившись.

— Двенадцать договоров уже есть. В семи случаях совпадает порядок действий: аванс, дополнительное соглашение без нового срока, перевод на партнера. Остальное пока обращения.

— Сто сорок три строки, — уточнила Лариса. — Но не сто сорок три доказанных случая. Полина, подойди.

Я поздоровалась с гостями сегодняшнего выпуска, уточнила у администратора, готовы ли бутылки воды, и только потом подошла. Даниил не протянул руку. Это было разумно: рукопожатие выглядело бы подчеркнуто официально, объятие — нелепо, а любой третий вариант пришлось бы придумывать на месте.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый.

Лариса перевела взгляд с него на меня.

— Новый материал ведет Даниил. Источник пришел через него и с другим режиссером говорить пока не готов. Я посмотрела первичный пакет. Тема наша, но до выводов далеко.

— Когда вы решили? — спросила я.

— Сегодня в два. Тебе собиралась сказать после эфира.

— А он должен был приехать после эфира?

Даниил ответил сам:

— Я привез копии договоров в юридическую службу. Лариса попросила подняться.

— И решил заодно посмотреть, как мы работаем без тебя?

— Нет. Я хорошо помню, как вы работаете.

Фраза не была ни комплиментом, ни уколom. От этого она задела точнее, чем могла бы задеть подготовленная любезность.

Лариса проверила время.

— У вас две минуты. Потом Полина идет на установку. Я буду в аппаратной.

Она отошла к Никите. Даниил положил ладонь на серую папку, которую держал под мышкой.

— Евгения работала в договорном отделе «Точного метра», — сказал он. — У нее внутренняя таблица обращений и переписка по партнерам. Она боится, что ее узнают по должности и формулировкам.

— Что именно ты ей обещал?

— Что до первой встречи мы не передадим имя компании никому за пределами закрытой группы. И что условия защиты согласуем с юристом.

— Не эфир?

— Нет.

— Не полную анонимность?

— Нет.

Он понимал, почему я спрашивала. Год назад на месте этого короткого «нет» последовал бы спор о том, что зритель имеет право знать. Я отметила ответ, но не стала делать из него вывод.

— Если материал пойдет в программу, ведущая отвечает за вопросы и формулировки, — сказала я. — Источник не получает права менять выводы после монтажа. Только убрать детали, по которым его можно узнать.

— Согласен.

— Исходники хранятся в редакции.

— Контрольная копия остается у моей студии. С доступом по списку.

— Список утверждает Лариса и Анна.

— Хорошо.

Мы договаривались слишком быстро. В браке это считалось нашим преимуществом: один начинал фразу, второй уже открывал нужный файл. После развода слаженность сохранилась в рабочих привычках, хотя здравый смысл требовал держать дистанцию. Я вернулась к условиям проекта.

— Моя личная жизнь не входит в пакет, — сказала я.

Даниил снял очки и убрал их в нагрудный карман.

— Я пришел не ради нее.

— Тогда у нас не будет проблемы.

— При одном условии. Если редакция снова остановит материал, я получу письменное основание и доступ ко всем замечаниям.

— А если ты снова решишь, что основание недостаточно важное?

— Полина, у тебя установка через минуту.

— Это не ответ.

— Потому что ответ нельзя дать за минуту.

В служебном динамике Тимофей попросил проверить резервную камеру. На вертикальном экране появилась заставка интернет-потока: название программы, дата, обещание начать в 18:55. Один из операторов провел камеру по широкой дуге, сверяя фокус. Мы с Даниилом стояли за пределами основной декорации, но резервный план захватывал и ее край.

— После эфира, — сказал он. — С Ларисой и Анной. Не вдвоем и не на старых условиях.

Я услышала в наушнике голос выпускающего режиссера:

— Полина, на метку. Проверяем звук.

Петличка уже работала. Я должна была назвать свое имя, тему выпуска и первые две строки вступления. Вместо этого задержалась рядом с Даниилом еще на несколько секунд.

— И еще одно, — сказала я тише. — На канале никто не знает причин развода, кроме тех, кто участвовал в проверке. Так и останется.

— С моей стороны точно.

— В промо ты не появляешься рядом со мной без отдельного согласования.

— Я режиссер, а не декорация.

— Тебя это раньше не беспокоило.

— Раньше мы были женаты.

— Мы развелись восемь месяцев назад. Дань, выключи камеры, пока из нас не сделали новый сезон.

Его взгляд прошел мимо меня к контрольному монитору за моим плечом.

Потом шагнул к служебному столу.

— Закройте студийный звук в веб! Сейчас!

Тимофей поднял голову. На экране вместо заставки я увидела нас двоих — резервный общий план, который уже уходил в интернет. Красный индикатор источника горел рядом с надписью WEB LIVE.

Изображение сменилось заставкой. Звук отключился на секунду позже.

— Сколько? — спросил Даниил.

Тимофей проверил журнал.

— Семнадцать секунд. Может, восемнадцать с буфером.

— Запись сохранилась? — спросила я.

— На сервере да. И у зрителей могла сохраниться.

До телевизионного эфира оставалось три минуты сорок две секунды.

В студии никто не двигался без команды. Гости сегодняшнего выпуска смотрели на администратора, администратор — на Ларису, которая уже спускалась из аппаратной. В моем наушнике одновременно заговорили выпускающий режиссер и звукорежиссер. Я сняла его, чтобы слышать один голос за раз.

— Ставим запись, — сказала Лариса. — У нас готов первый блок без ведущей. Полина, поднимаемся, решаем.

— Гости готовы, — ответила я.

— Сейчас речь не о гостях.

— Именно о них. Они приехали из Твери утром, согласовали прямой эфир и не должны исчезнуть из программы из-за нашего сбоя.

Тимофей подошел ближе.

— Это моя ошибка. Я выбрал резервную камеру для проверки и не вернул источник на заставку. Звук должен был закрыться отдельно.

— Разберем после, — сказала Лариса. — Полина, решение за мной.

— Тогда я прошу оставить прямой выпуск. О разводе в эфире не говорим, пока не увидим запись и распространение. Если вопрос уже появится в комментариях, ответим после программы.

Даниил взял со стола мой наушник, проверил, не запутался ли провод, и протянул мне.

— Первый вопрос жильцам после графики, — сказал он. — Вход можно сократить на двенадцать секунд. Выпускающий уже переставил.

Он не советовал, стоит ли мне выходить. Он дал нужную для работы информацию.

Лариса посмотрела на часы.

— Идем в прямой. Тимофей, только заставка до команды. Двойное подтверждение звука. Даниил, в аппаратную. Полина, на метку. Две минуты.

Я вернула наушник и подошла к круглому столу. Администратор поправил карточки перед гостями. Женщина с пятого этажа сжимала бутылку воды двумя руками.

— Мы точно выйдем? — спросила она.

— Точно. Начнем с вашего обращения в инспекцию. Если не захотите отвечать на вопрос о детях, я его не задам.

— Спасибо.

Свет выставили для эфира. В наушнике по очереди подтвердились аппаратная, звук, графика и сайт. На большом мониторе пошел обратный отсчет.

За десять секунд до начала Даниил сказал из аппаратной:

— Первый ролик двадцать восемь. После него камера два.

Только рабочая команда. Именно так мы разговаривали сотни раз. Я положила ладонь на стол, дождалась нуля и посмотрела в объектив.

— Добрый вечер. В эфире программа «Доказано», и я, Полина Савельева. Сегодня мы разберемся, почему жильцы одного дома три года платили за ремонт кровли, но дождь по-прежнему начинается у них на пятом этаже.

Первые восемь минут прошли без отклонений. В девятой я попросила представителя управляющей компании назвать дату подписания акта. Он заговорил о сложной экономической ситуации. Я повторила вопрос. На двенадцатой минуте в наушнике Лариса сообщила:

— Клип уже разошелся. Не реагируем. Работаем по плану.

Я услышала и продолжила разговор с гостем. Это было проще, чем позволить себе представить, сколько людей только что пересмотрели семнадцать секунд и выбрали из них удобную версию нашей жизни.

Во втором блоке мы показали ответ инспекции. В третьем связались с подрядчиком. Представитель управляющей компании дважды попытался назвать жителей неблагодарными, и оба раза я возвращала его к платежам. Даниил не вмешивался сверх сценария. Только на сорок первой минуте предупредил, что удаленный гость говорит с задержкой, и предложил выдержать две секунды перед следующим вопросом.

В 19:52 я произнесла финальные строки и передала эфир новостям. Красный огонь на основной камере погас. Я сняла наушник, поблагодарила гостей и дождалась, пока администратор уведет их из студии. Только после этого позволила себе спросить:

— Сколько?

Лариса стояла у входа с телефоном.

— Оригинальный поток посмотрели около четырех тысяч. Первая копия уже набрала тридцать две. Есть заголовки про тайный развод и возвращение бывшего мужа.

— Имя Даниила назвали?

— Его узнали по старым выпускам.

Тимофей сидел за служебным столом и выгружал журнал. Рядом с ним инженер записывал время переключений.

— Я дам объяснительную сегодня, — сказал Тимофей. — Источник картинки выбрал я. Почему звук остался открыт, проверяем.

— Не удаляй серверную запись, — сказала Анна Маркович, входя в студию. Видимо, Лариса вызвала ее во время эфира. — И ничего не отвечай со своего аккаунта. Нам нужны оригинал, журнал и список тех, кто имел доступ к маршрутизации.

— Понял.

— Полина, Даниил, личные комментарии не даете. До утра подготовим позицию.

— Общую? — спросил Даниил.

Анна сняла пальто и положила папку на стол.

— Факт касается вас обоих. Форму решим после разговора.

Станислав Ракитин появился через несколько минут. На эфиры он обычно приходил к началу или к финалу, если ожидалось хорошие цифры. Сегодня успел только к последствиям.

— Я правильно понимаю, что вы восемь месяцев молчали о сюжете, за который сейчас дерутся все новостные ленты? — спросил он.

— Мы не скрывали сюжет, — ответила я. — Мы не делали из развода программу.

— Разница философская. А рекламный инвентарь вполне материальный.

Он повернул телефон экраном к нам. На нем без звука повторялся фрагмент: я стояла рядом с Даниилом, говорила о разводе, он резко смотрел за мое плечо. Если не знать, что он увидел монитор, можно было решить, будто последние слова ранили его до немоты.

— Завтра запишем обращение вдвоем, — сказал Станислав. — В четверг дадим специальный выпуск. Даниил возвращается в кадр, вы честно рассказываете, как бывшие супруги учатся работать вместе. Без грязи. Умно, достойно, с хорошим партнером.

— Нет, — сказал Даниил.

Я ответила почти одновременно:

— Нет.

Станислав перевел взгляд с одного на другую и усмехнулся без радости.

— Сработанность никуда не делась.

— Расследование «Точного метра» может стать специальным выпуском, — сказала Лариса. — Если пройдет проверку.

— Ремонт против развода? Лариса, не заставляй меня объяснять разницу в аудитории.

— Объясните разницу в задаче программы, — предложила я.

Он убрал телефон в карман.

— Утром в десять у меня. С цифрами, материалом и вашими условиями. Сегодня никому ничего не обещаю.

— Мы тоже, — сказал Даниил.

Станислав ушел. Анна попросила Тимофея повторить последовательность переключений. Лариса стала составлять список участников утренней встречи. Обычная работа возвращалась не сразу, но возвращалась: вопросы, документы, строки, ответственные.

Даниил поднял серую папку, оставленную у декорации.

— Двенадцать договоров передам Анне под опись. Таблицу пока не загружаю в общую папку.

— Почему?

— В ней есть контакты. Евгения не давала согласия на широкую группу.

— Завтра обсудим доступ.

— В десять.

Он не спросил, как я себя чувствовала. Я не спросила, видел ли он комментарии. В коридоре у студии уже ждали два репортера с нашего же новостного этажа, и впервые за вечер нам предстояло сделать одно и то же не по привычке.

Мы вышли через разные двери и отказались отвечать.

## ГЛАВА 2. Условия без сценария

В пятницу в девять тридцать Тимофей вывел на экран схему вчерашнего потока. На ней было шесть прямоугольников, соединенных стрелками: две камеры, заставка, студийный звук, веб-пульт и сервер. Красным он отметил два неверных переключения.

В переговорной сидели Лариса, Анна, главный инженер смены и Даниил. Станислав пригласил помощника с просьбой сообщить выводы к десяти. Я заняла место напротив экрана и открыла журнал событий.

— В 18:52:14 я выбрал резервную камеру для проверки фокуса, — начал Тимофей. — После проверки должен был вернуть заставку. Не вернул. В 18:54:47 открылся поток по расписанию. Звук остался на студийной группе после теста петличек.

— Кто подтверждал закрытие группы? — спросила Анна.

— Никто. В нашей инструкции подтверждается изображение. Звук проверяет инженер у себя, но отдельной отметки в веб-пульте нет.

Главный инженер развернул к нам распечатку.

— Звуковой канал не был неисправен. Он выполнил команду, которая стояла в маршруте. Ошибка в том, что команду не заменили перед открытием потока.

— Значит, виноваты двое? — спросил помощник Станислава.

— Значит, в процедуре два действия не имели обязательного встречного контроля, — ответила Лариса. — Тимофей выбрал неверный источник. Инженер не получил отметку, что студийная группа должна быть закрыта. Запишите оба факта без арифметики виновных.

Тимофей не отвел взгляд от экрана.

— Я отвечаю за выбор источника. Если будет взыскание, спорить не стану. Но хочу сам переделать чек-лист.

— Переделаешь вместе с инженером и службой цифрового вещания, — сказала я. — Проверять будет человек, который не участвовал во вчерашней смене.

Помощник Станислава посмотрел на меня поверх ноутбука.

— Вы предлагаете не отстранять Озерова?

— Я предлагаю не путать наказание с исправлением. Решение о взыскании примет его руководитель после объяснительной. Для следующего эфира нам нужна рабочая процедура.

Даниил сидел, положив руки на стол. Вчера он первым заметил открытый монитор, но не использовал это как право командовать разбором. За годы совместной работы я знала, как трудно ему было не вмешиваться, когда ответ казался очевидным.

Анна закрыла папку с журналом.

— Нам также нужно определить, был ли разговор записан служебно на законном основании. Петличные микрофоны проверялись перед эфиром, все присутствующие знали о тесте. Проблема в публикации, а не в самой технической записи. Запись сохраняем для внутреннего разбора, доступ ограничиваем. Публичную копию канала удаляем, но требовать удалить чужие публикации без отдельного основания сейчас бессмысленно.

— К полуночи было сто девяносто тысяч просмотров, — сообщил Тимофей. — К девяти утра суммарно около миллиона четырехсот. Считал по пяти крупным площадкам, повторы пользователей не исключены.

Никто не поздравил нас с цифрой.

В десять мы перешли в кабинет Станислава. Он уже открыл на большом экране график просмотров и список запросов от рекламодателей. На столе лежал проект с названием «Бывшие в прямом эфире». Под заголовком стояли четыре темы: раздел имущества, работа после развода, можно ли остаться друзьями, шанс на примирение.

— Это не сценарий, — сказал Станислав, заметив мой взгляд. — Варианты развития. Пять сезонов вы объясняли людям, как читать договоры. Вчера люди впервые захотели узнать, как живете вы.

— Они увидели семнадцать секунд, — ответила я. — Этого недостаточно, чтобы утверждать, чего они хотят от программы.

— Цифр достаточно.

Даниил взял со стола лист с темами и положил обратно.

— Я не буду участвовать.

— У вас даже договора еще нет. Как можно отказаться от того, чего вам не предложили?

— Вы только что предложили.

Станислав перевел экран на другую таблицу. В ней сравнивались обычная аудитория, просмотры клипа и стоимость размещения в следующем выпуске.

— Хорошо. Тогда о предмете договора. У нас есть четыре недели до решения по новому сезону. Лариса считает материалы «Точного метра» перспективными. Я готов выделить бюджет при условии, что Полина остается ведущей, а вы появляетесь хотя бы в двух промороликах.

— Почему режиссер должен появляться в промо расследования? — спросила Анна.

— Потому что его уже знают. Потому что их совместное появление увеличит охват. Потому что медиахолдинг не обязан отказываться от законного интереса аудитории.

— Законный интерес не дает вам согласия на обсуждение брака, — сказала я.

— Не обсуждайте причины. Покажите, что взрослые люди способны работать вместе.

— Если материал будет готов, это покажет сам выпуск.

Станислав откинулся на спинку кресла.

— Полина, программа стоит шесть миллионов четыреста тысяч за четыре выпуска. Решение о шестом сезоне не принято. Я не угрожаю. Я называю условия, в которых мы работаем.

— Тогда назовем наши, — сказала Лариса. — Четыре недели на проверку. Финальный выпуск — восьмого октября. Тема: договорная практика «Точного метра» и связанных партнеров. До подтверждения связей название компании в промо не используется. Даниил работает как внешний режиссер. Его материал принимает редакция, а не Полина единолично.

— И личный интерес куда денется?

— Останется за пределами редакционного задания, — ответила Анна. — Конфликт фиксируем. Авторство, доступ и приемку расписываем в приложении к договору.

Станислав постучал ручкой по столу, но спорить с юристом о формулировках не стал.

— Вы получите базовый бюджет. Дополнительные выезды — после первого проверочного отчета. И я хочу обращение сегодня. Развод подтверждаете, от вопросов не убегаете, совместную работу объясняете.

— Обращение запишу я, — сказала я.

— Вместе цифра будет выше.

— Тогда придется обойтись меньшей цифрой.

Он посмотрел на Даниила.

— А вы?

— Мне нечего добавлять к факту развода. О работе скажет договор.

— Прекрасно. Два человека, которые синхронно отказываются от бесплатного продвижения. Лариса, к понедельнику покажешь мне, за что я плачу.

— Покажу план проверки, — поправила она. — Результат появится после проверки.

Выйдя из кабинета, мы не остановились обсуждать победу. Ее не было. Станислав получил возможность контролировать дополнительный бюджет и требовал измеримого результата. Мы сохранили границу, но теперь должны были доказать, что материал стоит дорогого эфирного окна.

Анна повела нас в малую переговорную. На столе уже лежал типовой договор со студией Даниила. Бухгалтер присоединилась по видеосвязи.

— Пакет на четыре недели, — сказала она. — Семьсот восемьдесят тысяч плюс подтвержденные расходы по смете. Аванс тридцать процентов после подписания. Остальное после приемки комплекта.

— Кто принимает? — спросил Даниил.

— Лариса как шеф-редактор, — ответила Анна. — Полина согласует сценарий и свои вопросы, но не может заблокировать оплату из-за творческого или личного конфликта. Если есть спор по объему, его рассматривает редакционный руководитель.

— Исходники?

— Хранятся у холдинга и в защищенной копии вашей студии до завершения возможных претензий. Публикация вне программы запрещена. Доступ к личности источника — по отдельному списку.

Я добавила:

— Любое изменение степени анонимизации согласуется с Евгенией и Анной. Но источник не утверждает наши выводы.

— Это я говорил вчера, — заметил Даниил.

— Вчера говорил. Теперь это должно быть написано.

Он взял карандаш и отметил пункт на полях.

— Согласен.

Мы прошли договор по страницам. Даниил попросил определить, кто оплачивает независимую консультацию источника. Анна включила ее в расходы холдинга без удержания из гонорара студии. Я настояла, чтобы решение об остановке материала могли инициировать режиссер, ведущая, шеф-редактор, юрист или источник в части собственной идентификации. Окончательное редакционное решение оставалось за Ларисой и руководителем редакции.

— Полина, — сказал Даниил, когда бухгалтер отключилась, — источник должен иметь право отозвать согласие на свою запись целиком.

— До какого момента?

— До эфира.

— Если на ее словах построена проверка и все факты подтверждены другими документами, она может запретить использовать голос и изображение. Но не может запретить нам работать с документами клиентов, которые дали отдельное согласие.

— Я говорю о ее записи.

— Тогда так и напишем.

Анна набрала формулировку. Спор занял меньше минуты: общего доверия мы не обсуждали, речь шла о конкретном праве конкретного человека.

К полудню договор ушел на согласование. Лариса собрала рабочую группу: я, Даниил, Анна, Никита и редактор выездов. Тимофея оставили в техническом блоке, но доступ к материалам источника ему не требовался.

— Что у нас есть? — спросила Лариса.

Даниил подключил накопитель к закрытому компьютеру, не связанному с общей редакционной сетью. Анна внесла носитель в журнал.

— Таблица на сто сорок три строки, — сказал он. — Контакты есть в тридцати одной. Номера договоров — не во всех. Двенадцать копий договоров Евгения получила от клиентов, которые обращались в компанию повторно. Семь историй внешне похожи, но мы пока не знаем, кто подписывал документы и куда ушли деньги.

Никита открыл первую строку.

— Здесь бренд «Точный метр», а юридическое лицо — «РемСтрой Регион». Общий сайт не доказывает общий долг. Нужны договор партнерства, платежи, управляющие, адреса, реклама.

— И клиенты, — сказала я. — Человек должен подтвердить, что это его договор и что сроки не менялись по его просьбе.

Даниил пролистал файлы до папки с пометкой «Киреева».

— Тамара, пятьдесят шесть лет. Заплатила два миллиона сто тысяч, потом еще шестьсот сорок. Работы остановились после демонтажа. Квартира для матери.

— Есть согласие на контакт?

— На звонок от меня. Ведущую и камеру не обсуждали.

— Тогда сначала звонишь ты, — сказала я. — Объясняешь состав группы и спрашиваешь, готова ли она говорить со мной без записи.

Он записал задачу.

Лариса распределила первые два дня. Никита проверял юридические лица. Анна готовила форму согласия и список рисков. Даниил связывался с Евгенией и клиентами. Я должна была составить узкий проверяемый вопрос, чтобы не начинать расследование с заранее готового обвинения.

К трем часам на доске осталось одно предложение: «Какие обязательства перед клиентами берет головная компания, когда договор подписывает партнер под ее брендом?»

— Слишком мягко, — сказал Даниил.

— Это вопрос, а не титр, — ответила я. — Если выясним, что головная компания получает комиссию и управляет условиями, формулировка изменится.

— А если они за четыре недели переписут страницы сайта?

Никита не поднял головы от компьютера.

— Архивирую публичные страницы сегодня. Изменение тоже будет фактом, но не доказательством прошлых обязательств.

Даниил прошелся вдоль доски.

— Им уже известно, что у Евгении есть документы?

— Нет, — сказала Анна. — И не станет известно, пока мы не сформулируем запрос без деталей, которые ее выдадут.

— Тогда до первого запроса у нас есть несколько дней.

— У нас есть несколько дней для работы, — поправила я. — Не для обхода процедуры.

Он задержал на мне взгляд, потом вернулся к файлам.

В четыре тридцать я спустилась в маленькую студию цифрового отдела записывать обращение. Stanislaw прислал проект текста. В нем были слова «неожиданная новая глава», «бывшие супруги снова вместе» и обещание рассказывать о нашей совместной работе каждую неделю.

Я вернула текст с правками. Через десять минут пришел второй вариант, почти такой же. Тогда попросила Анну встать у монитора и записала свой.

— Вчера перед началом программы из-за технической ошибки в интернет-поток попала часть личного разговора. Я подтверждаю: мы с Даниилом Корневым разведены. Причины развода останутся частными. Даниил присоединился к редакции как режиссер нового расследования. Совместная работа не означает примирения и не станет отдельной темой «Доказано».

Запись заняла двадцать две секунды. Анна попросила заменить «к редакции» на «к проекту редакции», чтобы не создавать неверного впечатления о трудовом оформлении. Мы сделали второй дубль.

— Сухо, — оценил Stanislaw по внутренней связи.

— Точно, — ответила Анна.

Видео опубликовали от имени программы. Первые комментарии появились раньше, чем я успела снять микрофон. Я не стала их читать.

Вечером Даниил ждал у выхода из цифровой студии. В руках у него был подписанный со стороны студии договор.

— Евгения согласна встретиться завтра, — сказал он. — Только у меня в офисе. Без камеры, без фамилии в общем календаре. Анна может подключиться по защищенной связи.

— Я тоже буду.

— Она знает.

— И согласна?

— Сказала, что решит после первых пяти минут.

Это было честнее обещания доверять нам заранее.

— Во сколько?

— В одиннадцать.

— Пришли адрес Ларисе и Анне. В открытом календаре ставим «внешняя встреча».

— Уже отправил.

Мы дошли до лифта. Даниил нажал кнопку, но не вошел, когда двери открылись: внутри стояли репортер и оператор нашего новостного этажа.

— Полина, один вопрос, — начал репортер. — Вы допускаете, что работа снова вас сблизит?

— Нет комментариев о личной жизни.

Даниил молча отступил, освобождая проход. Двери закрылись без нас.

— Лестница? — спросил он.

— Лестница.

На четвертом пролете он сказал:

— Я не собираюсь отвечать за тебя.

— Я заметила.

— И не собираюсь играть мужа, которого вернули в программу из-за красивой истории.

— Это тоже записано в условиях.

— В договоре записана работа. Остальное придется соблюдать без бумаги.

Мы спустились на первый этаж и разошлись у пропускных рамок. Завтра у нас была встреча с человеком, который рисковал работой и репутацией. Это требовало большего внимания, чем вопрос о том, способна ли одна лестница заменить восемь месяцев раздельной жизни.

### ГЛАВА 3. Человек с архивом

Студия Даниила занимала три комнаты на втором этаже бывшего издательства. На табличке у лестницы значилось «Корнев. Документальные проекты», без громких слов о производственном центре. В первой комнате стояли два монтажных компьютера, стеллаж с накопителями и складной отражатель. Во второй звукорежиссер настраивал микрофон для чужого проекта. Третью Даниил освободил для встречи.

Я приехала в десять сорок. На столе уже лежали блокноты без логотипа канала, бутылки воды и распечатка правил конфиденциальности. Камер не было. Даниил показал, где находится выход, где можно оставить телефон и как отключен общий микрофон переговорной.

— Ты всегда проводишь инструктаж до появления источника? — спросила я.

— После прошлого года — всегда.

Ответ был прямым. Обсуждать его до встречи я не стала.

Анна подключилась по видеосвязи с рабочего ноутбука. На экране за ее спиной виднелась пустая переговорная «Вектора». Она попросила проверить, что в комнате остаемся только мы трое, и объяснила порядок: сначала Евгения рассказывает, чем располагает и чего опасается; затем решает, готова ли продолжать с моим участием. Запись начинается только после отдельного согласия. Сегодня мы не обещаем эфир и не берем оригиналы без описи.

В одиннадцать Даниил получил короткое сообщение и спустился вниз. Через несколько минут вернулся с женщиной в сером пальто. Она держала сумку перед собой обеими руками и сначала посмотрела на меня, потом на экран с Анной.

— Евгения, это Полина Савельева, — сказал Даниил. — Она ведет программу и будет отвечать за вопросы в эфире, если мы до него дойдем. Анна Маркович — юрист холдинга. Вы можете закончить встречу в любой момент.

— Я знаю, кто такая Полина, — ответила Евгения. — Вопрос в том, знаете ли вы, кто я.

— Бывший менеджер договорного отдела, — сказала я. — Этого пока достаточно. Фамилию и прежнюю должность точнее я не назову никому вне этой комнаты без вашего согласия.

Она сняла пальто, но не повесила его на вешалку. Села ближе к выходу. Даниил остался у стены, не занимая место напротив нее.

— Почему канал? — спросила Евгения. — У «Точного метра» там реклама.

— Поэтому решение о выпуске нельзя принимать без фиксации конфликта интересов, — ответила Анна. — Но реклама не дает компании права утверждать редакционный текст. И вы должны понимать: я не могу гарантировать, что руководство поддержит публикацию.

— А что можете?

— Организовать проверку, ограничить доступ к вашим данным, оценить риски каждой формы участия и письменно зафиксировать решения. Абсолютную анонимность обещать не могу. Если факты и формулировки известны узкому кругу, вас могут вычислить даже без лица и имени.

Евгения посмотрела на Даниила.

— Вы говорили то же самое.

— Потому и предложил разговор с Анной.

— В прошлый раз у вас тоже был юрист?

Он не ответил сразу.

— Был юрист канала. Независимой консультации для источника не было.

Евгения знала о прошлой истории больше, чем мне хотелось бы. Возможно, нашла публикации после ухода Даниила. Возможно, он сам рассказал. Я не имела права выдавать предположение за факт.

— Вы можете выбрать другого консультанта, — сказала Анна. — Холдинг оплатит одну встречу, но специалист будет представлять только ваши интересы. Его имя согласуем отдельно.

Евгения наконец поставила сумку рядом со стулом.

— Хорошо. Тогда пять минут с Полиной прошли. Пусть остается.

Это было разрешение продолжить проверку; до доверия оставалось далеко. Для начала хватало и этого.

Она работала в «Точном метре» почти три года. Сначала сопровождала договоры головной компании, затем партнерские офисы. По ее словам, сложные случаи переводили на отдельные юридические лица: клиент подписывал дополнительное соглашение, после чего прежний срок переставал фигурировать в переписке, а претензию направляли региональному партнеру.

— Что значит «переводили»? — спросила я. — Кто принимал решение?

— Руководитель направления присылал письмо. Иногда звонил. Менеджер готовил дополнение.

— У вас есть такие письма?

— Часть. Со своей корпоративной почты я пересылала их себе перед увольнением.

Анна подняла ладонь.

— Нам понадобится понять, какие материалы вы имели право сохранять и содержат ли они данные клиентов. Сейчас не пересылайте ничего нового.

— А как иначе доказать?

— Сначала составим опись. Клиенты могут предоставить свои договоры отдельно. Ваша переписка поможет определить вопросы, но мы не будем публиковать чужие телефоны и адреса.

Евгения достала из сумки личный ноутбук, но не открыла его.

— Таблица была общей. В ней стояли номера договоров, суммы, ответственный менеджер, претензия и статус. Я сохранила копию за неделю до увольнения. Потом мне прислали еще одну версию.

— Кто прислал?

— Бывшая коллега. Она не хочет разговаривать.

— Вы уверены, что вторую версию выгрузили из той же системы? — спросил Даниил.

— Там такие же столбцы.

— Это не отвечает на вопрос.

Евгения поморщилась, но не отвернулась.

— Нет. Не уверена.

Я записала: «две версии, происхождение поздней не подтверждено».

— Сто сорок три строки относятся к какому периоду? — спросила я.

— Примерно за полтора года.

— Во всех есть претензии?

— В столбце «причина обращения» что-то заполнено.

— Это могут быть вопросы, переносы по просьбе клиента, гарантийные работы?

— Могут. Но там много одинаковых формулировок.

— Сколько договоров вы видели лично?

— Все в системе. Копии у меня не всех.

— Сколько клиентов дали вам документы после увольнения?

— Двенадцать.

— Сколько готовы говорить с редакцией?

— Трое точно. Еще несколько не ответили.

Даниил наблюдал за разговором, вмешиваясь только там, где речь шла о происхождении файлов. Он не подсказывал Евгении удобные ответы. Год назад это показалось бы мне мини-

мальным требованием к журналисту. После того, что случилось с прежним источником, минимальные требования снова имели значение.

Анна предложила перерыв. Евгения вышла в соседнюю комнату позвонить своему консультанту, которого нашла заранее. Даниил закрыл ноутбук.

— Ты ведешь допрос, — сказал он тихо.

— Я разделяю то, что она видела, и то, что предполагает.

— Она может решить, что ей не верят.

— Мы и не обязаны верить без проверки. Обязаны не использовать ее страх против нее.

— Если начать с сомнений, источник уйдет.

— Если начать с обещания эфира, он потом заплатит за наши сомнения.

Анна слышала нас через связь.

— Оба правы в разных частях, — сказала она. — Даниил, объясните Евгении, зачем Полина дробит ответы. Полина, не превращайте каждое уточнение в перекрестный допрос. Источник пока рассказывает контекст, а не дает показания в суде.

— Принято, — ответила я.

Даниил коротко кивнул.

Евгения вернулась с раскрытым блокнотом.

— Консультант советует пока не передавать ноутбук и не включать запись, — сказала она. — Я могу показать экран и назвать клиентов, которые разрешили контакт.

— Подходит, — ответила Анна. — Даниил составит опись того, что видел, без копирования файлов. Контакты клиентов передавайте только при наличии их согласия.

Евгения села рядом с ним. Он подключил внешний монитор без доступа к сети, чтобы мы видели таблицу, но не получали файл. В ней действительно было сто сорок три строки. В тридцати одной стояли телефоны или адреса электронной почты, однако номера договоров имелись реже. Некоторые поля были заполнены кратко: «срок», «доплата», «партнер», «нет ответа». Сами пометки ничего не доказывали.

— Покажите случай Киреевой, — попросила я.

Евгения нашла строку. Сумма в таблице составляла два миллиона семьсот сорок тысяч. Ответственным было указано ООО «РемСтрой Регион». В примечании стояло: «головной офис согласовал дополнение».

— Откуда вы это знаете? — спросила я.

— Я готовила письмо на согласование.

— Оно сохранилось?

— Да.

— Кто ответил?

Она назвала руководителя направления. Даниил записал имя отдельно и спросил, занимал ли тот ту же должность сейчас. Евгения не знала.

Мы просмотрели еще шесть строк. В двух случаях таблица ссылалась на партнеров из других регионов. В одном клиент сам просил изменить проект, что могло объяснить срок. В трех отсутствовали контакты.

— Давайте договоримся о формулировке, — сказала я. — Сейчас у нас есть внутренняя таблица обращений. Она указывает направления для проверки. Она не доказывает число нарушений, общий контроль компаний или размер ущерба.

Евгения закрыла ноутбук.

— Если вы так скажете в эфире, они объявят, что таблица ничего не значит.

— Если мы скажем больше, чем можем подтвердить, компания справедливо укажет на ошибку. Поэтому нужны договоры, платежи, переписка и ответы клиентов.

— А если за четыре недели ничего не найдете?

— Тогда не будет выпуска с обвинением.

Даниил повернулся ко мне.

— Будет материал о том, почему партнерская модель оставляет клиента между компаниями.

— Если подтвердим модель, — уточнила я.

— Если подтвердим.

Евгения некоторое время смотрела на нас, будто пыталась понять, является ли осторожность подготовленной ролью для нее. Потом открыла блокнот и написала три имени.

— Этим людям можно звонить. Тамара Киреева согласилась на встречу. Но она просила не снимать мать и не показывать адрес.

— Когда ей удобно? — спросил Даниил.

— В понедельник после одиннадцати. Квартира в Подмосковье, ремонт там.

Я записала время и спросила, готова ли Тамара сначала поговорить без камеры.

— Да. Она хочет, чтобы кто-то наконец прочитал договор целиком.

Мы не стали отвечать, что обязательно станем этим «кто-то». Даниил объяснил порядок: звонок сегодня, подтверждение состава группы, письменное согласие перед съемкой, право запретить отдельные темы. Евгения слушала внимательно и дважды просила повторить формулировку.

После двух часов разговора она согласилась передать Анне три письма без приложений с персональными данными. Передача прошла через защищенную ссылку; Анна сразу внесла файлы в опись и ограничила доступ. Но запись голоса Евгения отложила до консультации.

— Если я соглашусь, мне изменят голос? — спросила она.

— Это один из вариантов, — сказал Даниил. — Еще можно использовать актрису для реконструкции, убрать изображение, пересказать документы. Но сочетание деталей все равно может выдать вас. Сначала проверим.

— В прошлый раз вы тоже сначала проверяли?

Он поставил ручку на стол.

— Нет. Я пообещал человеку больше, чем мог выполнить.

Я знала официальную версию: источник раскрыл себя, переслав внутренний документ третьему лицу; Даниил нарушил доступ, но отрицал намеренную передачу. Сейчас он назвал другое — обещание, которое оказалось сильнее реальной защиты. Это еще не было всей правдой, однако уже не совпадало с прежней защитой.

Евгения спросила:

— И что с тем человеком?

— Потерял работу. Мы не публиковали имя, но его установили по документу.

— Вы потом извинились?

— Да. Это не вернуло работу.

Он не посмотрел на меня. Я не вмешалась. Моя подпись под отчетом тоже не исчезла после разговоров, но Евгения пришла обсуждать свой риск, а не наш развод.

К трем часам встреча закончилась. Даниил вызвал ей машину за счет проекта и передал номер заказа, не спрашивая домашний адрес вслух. Евгения надела пальто.

— Я не хочу, чтобы из меня сделали смелую разоблачительницу, — сказала она. — Я ушла не ради правды. Мне предложили подписать ответ клиенту, где было написано, что он сам отказался от работ. Я отказалась и через месяц уволилась.

— Это решение, а не роль, — ответила я. — Его и будем проверять.

Она ушла вместе с Даниилом. Я осталась собирать блокноты и заметила на подоконнике три кружки из разных наборов. В большой компании их заменили бы фирменной посудой. Здесь никто не тратил деньги на видимость штата, которого не было.

Даниил вернулся через десять минут.

— Машина уехала. Адрес водителю она ввела сама.

— Хорошо.

— Ты ожидала офис с кожаным диваном?

— Я ожидала, что ты назовешь две комнаты монтажным комплексом, а склад — павильоном.

— Склад занят отражателем. Павильон не помещается.

Это была первая шутка между нами после развода, которая не защищала от прямого вопроса. Я улыбнулась и сразу вернулась к записям.

— Нам нужен план из тридцати одной строки, — сказала я. — Не будем звонить всем подряд. Сначала номера договоров и юридические лица. Никита отберет тех, кого можно связать с брендом документально.

— Я хотел начать со всех контактов.

— За четыре недели ты получишь тридцать один рассказ и не успеешь проверить половину. Начнем с двенадцати договоров. Потом расширим, если увидим повтор.

— Семь уже похожи.

— Похожи в таблице. После понедельника будет первая история, которую мы увидим сами.

Он взял мой лист и прочитал формулировку вопроса, записанную вчера.

— «Какие обязательства берет головная компания, если договор подписан партнером под ее брендом». Оставляем?

— Пока да.

— Тогда в понедельник выезжаем втроем: мы и оператор.

— Звук отдельно. В пустой квартире будет эхо, а петличка Тамары не запишет разговор у стен.

— Четыре человека могут ее напугать.

— Сначала заходим вдвоем. Группа ждет в машине. Если она согласится на съемку, поднимутся.

Даниил подумал и внес изменение в план.

— Я позвоню ей сегодня. Скажу, что решение о камере принимает она после разговора.

— И что участие не гарантирует эфир и возврат денег.

— Скажу.

Мы еще час разбирали задачи. К Анне уходили письма и условия консультации. Никите — список юридических лиц без имени Евгении. Мне — проект вопросов Тамаре. Даниил отвечал за звонок и съемочную группу.

У выхода я спросила:

— Почему ты не сказал в прошлом году, что обещал источнику защиту, которой не мог обеспечить?

Он запер переговорную и проверил ручку двери.

— Потому что тогда пришлось бы признать, что я понимал риск раньше, чем все случилось.

— Это не полный ответ.

— Полный у меня пока не получается сказать так, чтобы он не прозвучал оправданием.

— Тогда скажи без формы.

— Не сегодня. Сегодня мы говорили о Евгении.

Причина отложить разговор была конкретной и закончилась вместе со встречей, но он все равно выбрал паузу. Я могла потребовать ответа, уйти или признать, что текущий проект даст нам не одну возможность проверить его словами и поступками.

— В понедельник в восемь у канала, — сказала я. — Я пришлю Тамаре вопросы заранее.

— Она имеет право отказаться от любого.

— Именно это я ей и напишу.

На лестнице мы разошлись: он вернулся к монтажным столам, я поехала в редакцию составлять список того, что еще не было доказано.

## ГЛАВА 4. Квартира без ремонта

В восемь утра на стоянке у канала Даниил раздал съемочной группе листы с ограничениями. Оператор Сергей и звукорежиссер Мила должны были ждать в машине, пока Тамара не подтвердит согласие. Номер дома не попадал в общий план, документы снимались без адреса, имя матери не называлось. Если Тамара просила остановиться, камера выключалась до следующего прямого разрешения.

— Это ограничения клиента или редакции? — спросил Сергей.

— И те и другие, — ответил Даниил. — Если кадр нужен, сначала спрашиваешь. Скрытой съемки нет.

— В пустой квартире где ставимся?

— Решим после осмотра. Не тащим свет, пока не поймем, есть ли электричество.

Я проверила маршрут. Дом находился в новом жилом комплексе за Химками; в понедельник дорога могла занять от часа до двух. Тамара ждала нас к одиннадцати, поэтому запас был разумным, а не героическим.

Даниил сел рядом с водителем, я — на втором ряду. Раньше в поездках он неизменно оказывался рядом со мной, чтобы обсуждать вопросы. Сегодня между нами лежала сумка с техникой, и это помогало не путать рабочий день с продолжением субботнего разговора.

За городом Сергей спросил:

— Про вас с Полиной в кадре что-нибудь снимаем? Станислав просил бэкстейдж.

Даниил не повернулся.

— В задании этого нет.

— Он написал мне утром.

— Покажи сообщение.

Сергей передал телефон. Даниил прочитал и протянул его мне.

Сообщение было коротким: «Возьми пару общих планов П. и Д. за работой, без личного. Для цифрового промо». Сергей не обязан был разбираться, кто имел право менять задание. Просьба пришла от программного директора.

Я сделала снимок экрана с его согласия и переслала Ларисе.

— Общих планов для материала будет достаточно, — сказала я. — Отдельный бэкстейдж не снимаем. Если Станислав хочет изменить задачу, пусть согласует с Ларисой письменно.

— Понял, — ответил Сергей. — Мне главное, чтобы потом не оказалось, что я не привез нужное.

— Не окажется, — сказал Даниил. — Решение наше, не твое.

Через несколько минут Лариса подтвердила запрет отдельного промо. У решения остался след в переписке. Можно было вернуться к Тамаре.

Она встретила нас у подъезда в светлой куртке и с папкой под мышкой. Поздоровалась со мной, затем с Даниилом, обернулась на машину.

— Там еще люди?

— Оператор и звукорежиссер, — объяснил Даниил. — Они поднимутся только после разговора, если вы захотите запись.

— А если не захочу?

— Мы изучим документы без съемки и решим, есть ли у истории редакционная ценность. Ваш отказ не повлияет на проверку самих договоров.

— Деньги мне от этого вернут?

— Мы не можем обещать возврат, — сказала я. — Можем проверить, кто принял оплату, какие сроки указаны и как компания отвечает на претензию.

Тамара открыла дверь подъезда.

— Тогда поднимайтесь. Лифт работает через раз, но сегодня повезло.

Квартира находилась на десятом этаже. За входной дверью начинался бетонный пол; часть перегородки снесли, проводка свисала из подготовленных каналов, в ванной стояли мешки с затвердевшей смесью. Рабочих не было. Тамара провела нас к окну, где на перевернутом ведре лежала толстая папка.

— Стул один, — предупредила она. — Его оставили электрики.

— Сядьте вы, — предложила я. — Мы постоим.

— Я уже насиделась с их менеджерами.

Она разложила документы на подоконнике. Первый договор был заключен с ООО «Рем-Строй Регион» на два миллиона сто тысяч рублей. На первой странице стоял товарный знак «Точного метра» и адрес сайта головной компании. Оплата прошла тремя переводами на счет подрядчика.

— Кто выбирал эту компанию? — спросила я.

— Пришла в офис «Точного метра» в торговом центре. Менеджер показывал образцы, составил смету. Я не знала, что договор будет с другим названием. Он сказал, так оформляют региональные проекты.

— У вас сохранилась реклама или переписка до подписания?

Тамара достала телефон. В сообщениях менеджер представлялся сотрудником «Точного метра». Было письмо со сметой, ссылка на официальный сайт и адрес партнерского офиса.

— Можно сделать копии? — спросил Даниил.

— Если мой номер уберете.

— Скопируем в закрытую папку, для публикации закроем номер и адрес. Сейчас я составлю список файлов, вы подтвердите.

Дополнительное соглашение появилось через четыре месяца после начала работ. В нем менялась планировка, добавлялись материалы и сумма шестьсот сорок тысяч рублей. Новый срок завершения отсутствовал.

— Почему согласились на доплату? — спросила я.

— Они разобрали пол и сказали, что стяжка хуже, чем думали. Потом нашли слабую проводку. Я могла остановиться, но квартира уже была непригодна. Мама продала свою однокомнатную, чтобы переехать сюда ближе ко мне. Сейчас снимает жилье.

— Расходы на аренду сохранились?

— Договор есть. Но про маму подробно говорить не хочу. У нее проблемы со здоровьем, и это никого не касается.

— Не будем спрашивать диагноз и не покажем ее документы, — сказала я. — Для истории достаточно, что квартира предназначалась для переезда и задержка создала дополнительные расходы. Если вы разрешите назвать это.

Тамара согласилась и поставила отметку в перечне тем. Даниил подготовил его заранее: договор, сроки, платежи, ход работ, обращения в компанию, дополнительные расходы. Напротив семьи и здоровья стояло «только с отдельного согласия».

— Кто предложил такое? — спросила она, читая лист.

— Редакция, — ответил он.

Она посмотрела на меня.

— Вы были у меня на экране каждый четверг. Я думала, ведущая сама все решает.

— Тогда программа выходила бы раз в год и состояла из моих ошибок. Решения принимает команда.

Тамара впервые улыбнулась.

После полутора часов без камеры она согласилась на съемку. Сергей и Мила поднялись с минимальным комплектом: одна камера, штатив, отражатель, две петлички и компактный рекордер. Большой свет не понадобился, у окна хватало дневного. Даниил попросил Тамару

еще раз проговорить, что она согласна на запись и понимает возможное использование в программе и на сайте. Мила записала подтверждение отдельным файлом.

— С чего начнем? — спросил Сергей.

— С документов, потом общий план помещения, — сказал Даниил. — Адрес на договоре закрываем до съемки. Полина, интервью у окна. За спиной только незаконченная стена, без вида на соседний дом.

— Тамара, вам удобно стоять двадцать минут? — спросила я.

— Лучше сяду на стул.

Мы переставили его к окну. Интервью началось с выбора компании и договора. Я не спрашивала, сколько ночей Тамара не спала и что сказала мать, увидев квартиру. Эти вопросы дали бы эмоцию, но не приблизили бы нас к проверяемой последовательности.

— Когда работы остановились? — спросила я.

— Двадцать третьего июня. Бригадир сказал, что не получил второй платеж от офиса.

— Но вы перечислили всю сумму?

— Да. Вот платежные поручения.

— Кому вы написали первой?

— Менеджеру «Точного метра». Он ответил, что договор у партнера и нужно звонить туда. В партнере сказали, что новый срок не утвержден.

— Вы просили менять проект после дополнительного соглашения?

— Нет. Я согласилась на материалы, которые предложил их инженер. Больше ничего не меняла.

Вопросы заняли двадцать семь минут. Затем Даниил попросил снять документы крупно. Сергей поставил камеру над подоконником, а я вместе с Тамарой закрыла листами адрес, паспортные данные и номера счетов. Никита подключился по видеосвязи и сверял, какие страницы нужны для юридической цепочки.

Когда Сергей снимал мешки со смесью, Даниил заметил на одном маркировку другого подрядчика. На этикетке значилось ООО «Городская отделка».

— Тамара, вы знаете эту компанию? — спросил он.

— Впервые вижу.

— Можно снять маркировку?

— Снимайте.

Сергей взял крупный план. Даниил отправил фотографию Никите без вывода.

— Это может быть поставщик или субподрядчик, — сказала я.

— Может, — согласился он. — Проверим связь и накладные, если сохранились.

Тамара принесла из машины еще одну коробку с чеками и гарантийными талонами. Среди них оказалась товарная накладная, но получателем значился «РемСтрой Регион». «Городская отделка» была указана в графе поставщика услуг доставки. Для схемы это ничего не доказывало.

— Значит, зря снимали? — спросила Тамара.

— Нет, — ответил Даниил. — Теперь знаем, что маркировку нельзя выдавать за неизвестного подрядчика. Кадр либо не войдет, либо будет показан только вместе с объяснением.

Он произнес это без раздражения. Раньше потерянный красивый кадр портил ему настроение сильнее, чем задержанный обед.

В два часа мы сделали перерыв. Тамара отказалась уезжать в кафе, поэтому водитель привез суп и сэндвичи. Съёмочная группа ела на лестничной площадке, чтобы не оставить упаковки в квартире. Я села на единственный стул, Тамара устроилась на подоконнике.

— Вы правда не будете говорить про свой развод? — спросила она.

— В вашей истории — точно нет.

— Я не из любопытства. Просто у меня муж ушел двадцать лет назад, и тогда мне казалось, что все вокруг знают. Хотя никому дела не было.

— Сейчас людям есть дело, пока идет ролик. Потом появится другой.

— Удобная работа.

— Иногда.

Она открыла контейнер с супом и спросила:

— А этот режиссер ваш бывший муж?

— Да.

— Работает хорошо.

— Поэтому он здесь.

Тамара приняла ответ и больше не возвращалась к теме. Ее сдержанность была добрее многих тщательно подготовленных слов поддержки.

После перерыва мы записали последовательность звонков. Представителю регионального партнера Даниил позвонил с рабочего номера при включенной записи и сразу сообщил, что разговор фиксируется для редакционной проверки. Мужчина согласился говорить, но отказался называть должность.

— Срок изменился из-за нового проекта клиента, — сказал он.

— Назовите пункт договора или дополнительного соглашения, где установлен новый срок, — попросила я.

— Документы нужно поднять.

— Когда вы сможете дать ответ?

— Направляйте официальный запрос.

— Направим сегодня. Какое юридическое лицо должно его получить?

Он продиктовал адрес «РемСтрой Регион» и добавил почту общего партнерского отдела «Точного метра». Связь двух компаний пока подтверждалась каналом обращения, но ответственность требовала документов.

Даниил закончил звонок и сохранил файл под номером, а не фамилией собеседника.

— У нас есть противоречие, — сказал он. — Тамара говорит, что проект после соглашения не меняла. Представитель ссылается на новый проект.

— В запросе попросим назвать дату и документ, — ответила я. — До ответа не называем это ложью.

Тамара собрала бумаги в папку.

— Вы всегда так осторожно говорите?

— В эфире за каждое слово отвечает тот, кто его произнес.

— А они отвечают за деньги?

— Это как раз пытаемся установить.

К пяти часам документы были описаны и скопированы. Тамара подписала согласие на использование интервью с ограничениями. Она разрешила назвать сумму, показать квартиру без адреса и рассказать о цели переезда. Упоминание здоровья матери исключили.

Перед последним общим планом она остановилась посреди комнаты и посмотрела на разобранный пол.

— Тут должна была быть кухня, — сказала она. — Мама выбрала зеленые фасады. Я их уже оплатила, а хранение заканчивается через неделю.

Сергей поднял камеру. Даниил опустил ладонь перед объективом.

— Стоп.

Тамара отвернулась к окну. Ее плечи дрогнули один раз. Даниил отключил петличку на приемнике и попросил Милу остановить запись. Я подошла не ближе, чем позволяла обычная беседа.

— Хотите закончить? — спросила я.

— Да. На сегодня хватит.

— Тогда закончили.

Никто не просил повторить фразу о кухне. Сергей убрал камеру, Мила сняла с Тамары микрофон. Мы еще раз проверили перечень документов и оставили контакты общественной приемной, которая консультировала клиентов по претензиям. Я отдельно сказала, что редакция не представляет ее в суде и не гарантирует результат.

— Я понимаю, — ответила Тамара. — Просто не пропадайте.

— Если проверка остановится, мы сообщим почему.

На обратной дороге Сергей просмотрел технические кадры без звука. Крупный план маркировки он пометил как требующий проверки, фрагмент после слов о кухне — как закрытый по решению режиссера. Мила сохранила отдельный файл согласия.

Даниил сидел теперь рядом со мной: сумку с техникой убрали в багажник. Мы обсуждали запрос, пока водитель выбирался из пробки у развязки.

— Нужно спросить головную компанию, получала ли она комиссию по договору Киревой, — сказал он.

— И кто согласовывал дополнение. Не пишем «перевод клиента», пока не увидим внутреннее письмо.

— Письмо у Евгении есть.

— Есть файл, который она считает письмом руководителя. Анна должна проверить заголовки и цепочку.

— Ты собираешься каждую фразу начинать с ограничения?

— Пока у нас одна проверенная клиентская история — да.

Он открыл ноутбук и изменил формулировку запроса.

— Тогда одна проверенная история.

За окном начинался вечерний поток машин. До канала навигатор показывал час двадцать. У нас оставалось достаточно времени, чтобы отправить запрос до конца рабочего дня.

— Спасибо, что остановил запись, — сказала я.

Даниил не стал делать вид, что не понимает, о каком моменте речь.

— Она отозвала согласие поведением раньше, чем смогла сказать.

— Раньше ты попросил бы еще один дубль после перерыва.

— Раньше я часто принимал хорошую сцену за право ее использовать.

Он произнес это, глядя в текст запроса, и не ждал от меня оценки.

Я открыла свою копию и добавила вопрос о хранении оплаченной кухни. Эта сумма не доказывала связь компаний, но показывала цену задержки для Тамары. История переставала быть строкой в таблице и становилась набором документов, сроков и решений.

В редакцию мы вернулись в половине восьмого. Анна уже ждала письма. Через сорок минут запрос ушел одновременно партнеру и головной компании. Срок ответа установили пять рабочих дней.

Первый выезд не доказал схему. Он дал нам клиента, который согласился участвовать, и противоречие, которое вторая сторона теперь обязана была объяснить. Для расследования это было больше, чем эффектная надпись на мешке.

## ГЛАВА 5. Контрольный сигнал

Во вторник Тимофей провел тест раннего потока без зрителей. В 10:03 на внутреннем сервере появилась заставка, резервная камера осталась в отдельной линии, а студийный звук был закрыт. На каждом переключении требовались две отметки: оператора веб-пульта и инженера смены.

Я стояла в студии с петличным микрофоном и читала контрольный текст. Слова должны были записаться на служебный канал и не попасть в поток. Даниил наблюдал из аппаратной как приглашенный режиссер, Лариса — рядом с Тимофеем.

— Проверка звука завершена, — сказал инженер. — Студийная группа закрыта.

— Подтверждаю закрытие, — ответил Тимофей и внес время в электронный лист.

На экране у меня появилась зеленая отметка. Я продолжила говорить еще десять секунд. На контрольной записи сайта шел только музыкальный фон заставки.

— Открываем студийный звук по команде выпускающего, — сообщил Тимофей. — Подтверждение двух сотрудников.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.